

НАША СТРАНА

Год издания 37-ой. Буэнос Айрес, суббота 3 августа 1985

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 3 de agosto de 1985. No. 1827

И. АНДРУШКЕВИЧ

ПРОСВЕТИТЕЛИ СЛАВЯНСТВА

В этом году весь христианский мир чествует просветителей славянства, святых Кирилла и Мефодия, и отмечает дату 1100-летия со дня преставления св. Мефодия, 6-го апреля 885 года.

В истории человечества есть много памятных дат, связанных с историческими событиями или с историческими личностями, которые являются как бы вехами самой истории.

Исторический материализм, в теории, отрицает первенствующее значение выдающихся человеческих личностей в истории, считает ее объективным процессом, обусловленным материальными производственными отношениями. Хотя люди и творят историю, они не могут ее творить свободно, так как всегда действуют в определенных объективных условиях, созданных предыдущими поколениями. Эти условия и действующие на их основе "законы" предопределяют деятельность людей, которые могут лишь лучше или хуже, быстрее или медленнее заниматься реализацией прежде обусловленных возможностей.

В противоположность такому материалистическому взгляду на историю, идеалистические исторические школы придавали первенствующее значение в истории сознательным актам человеческих личностей, вплоть до того, что история иногда понималась лишь как сцена для действий героев.

В действительности, человеческая история является одновременно историей личностей, идей, событий и процессов, никак не сводимой к одним лишь материальным или даже природным закономерностям. В том-то и дело, что история это что-то большее чем развертывание природных закономерностей. Кратко и гениально это высказал Ортега и Гассет: животные живут в природе, а человек живет в истории. Действительно, животные не имеют истории.

Только человек, из всех живых существ, творит культуру, и в рамках культуры — политики. Хронологическое развитие культуры и политики и является историей человечества. Посему, большие культуры, или цивилизации, или "большие общества", как говорит Тойнби, и являются коренными субъектами — деятелями истории.

Процесс культурного творчества всегда является процессом личным, а, следовательно, весь исторический процесс подвержен влиянию личностей. В этом отношении, никак нельзя обойтись без психологического подхода к пониманию исторических процессов, являющихся, в конечном итоге, результатом взаимодействий между отдельными личностями и массой личностей, в рамках конкретных идейно-культурных и общественно-экономических обстоятельств.

Таким образом, для уяснения тех или иных исторических процес-

сов, необходимо предварительно уяснить саму суть действующих в них культур.

Если сердцевинной каждой культуры является духовно-религиозный зародыш (а в наши дни может быть и антирелигиозный, что не меняет сути дела, так как религиозность остается, меняя лишь свой положительный заряд на отрицательный), то именно действия в этой религиозной области отдельных людей откладывают неизгладимый отпечаток на весь курс истории. Сама история является большим экспериментальным полем, подтверждающим на опыте эту роль отдельных личностей, действовавших именно в религиозном плане.

Для иллюстрации, можно привести несколько имен исторических личностей, которые являются живыми указателями развития человеческой истории: пророк Моисей, царь Давид, св. Константин Великий, а также и просветители славянства Кирилл и Мефодий. От них ответвляется затем уже наш русский ряд светлых личностей: Великая Княгиня Ольга, Великий Князь Владимир, святой Великий Князь Александр Невский, святой Преподобный Сергий Радонежский. Одно перечисление этих немногих имен дает необходимую канву для описания в нее всей истории. Они являлись как бы катализаторами исторических процессов. Сама жизнь выдвигала очередные проблемы, необходимость решения которых назревала и как бы висела в воздухе. Подобно состоянию кристаллизующихся веществ перед самым моментом кристаллизации, существуют исторические моменты, когда вся атмосфера насыщена необходимостью мутаций. Таковые часто наступают с помощью отдельных личностей, своими действиями вызывающие идейную кристаллизацию в обществе, на подобие того, как в насыщенных жидкостях происходит осаждение осадка в растворе, при введении в него реактива.

Всякую культуру можно сравнить с плодом состоящим из мякоти, покрытой кожурой, в центре которой находится плодовая косточка. Мякоть можно сравнить с культурой, понимаемой в узком смысле слова, объемлющей собою искусства и науки. Кожура сравнима с политическо-юридическо-экономическими формами культуры, а косточка с духовной сердцевинной этой культуры, содержащей в себе религиозное семя или зародыш. Ввиду такой органической связи между религиозным зародышем и политической оболочкой всякой цивилизации, становятся понятными политические и геополитические проекции всех религиозных мутаций производимых в истории отдельными личностями.

Так, например, неоспорим тот факт, что вся религиозная деятельность пророка Моисея явилась одно-

временно и учреждающей государственной деятельностью. Религия явилась высшей политикой. Историческая фигура царя Давида тоже соединяет в себе религиозные и политические аспекты. В роду царя Давида должен был родиться Спаситель, но от Давида же ведут свою духовную генеалогию и христианские византийские, а затем и российские цари. Святой Константин Великий не только положил конец религиозным преследованиям христиан в Римской империи и начало новому периоду в истории Церкви (созывая в 325 году Первый вселенский собор), но и вывел культурное и политическое раздвоение древнего мира, которое уже давно чувствовалось. Благодаря грандиозному синтезу в восточной половине Римской империи между христианством, эллинизмом и римской государственностью, в истории мира наступил новый период.

Вселенский характер этого православного государства проявлялся и тем, что три самых славных византийских царя не были греками и даже не принадлежали к эллинской половине Римской империи. Святой Константин Великий (Флавий-Валерий-Аврелий-Клавдий, сын Констанция Хлора) родился в теперешнем Нише, в тогдашней провинции Месии. Феодосий Великий (346-395) был римлянином из Испании, так же как и епископ Осий, церковный советник святого Константина. Юстиниан Великий (482-565) происходил из полностью романизированный Илирии. Одно время некоторые ученые даже допускали, что он был славянского происхождения, основываясь на одном славянском варианте его имени: Управда. Во всяком случае, латинский, а не греческий, был его родным языком. Этот император, восшедший на престол (527 год) двумя веками позже после основания Константинополя, благодаря своим юридическим сборникам на латинском языке, сохранил для истории римское право. В частности, он первый выдвигает и формулирует теорию симфонии. Он также строит храм святой Софии, по сей день оскверняемый турками.

В то время, как появление на границах древнего мира германских народов влечет за собой попытки латинизации их, выход на историческую арену славянских племен вызывает обогащение христианского мира новым, четвертым по счету, вселенским языком. У колыбели этого чрезвычайно чреватого общекультурными и политическими последствиями события, стоят два грека: святые Кирилл и Мефодий. Первыми словами на этом новом языке были первые слова Евангелия от Иоанна: "В начале бе слово, и слово бе к Богу, и Бог бе слово". Интересно (и даже знаменательно), что новый славянский алфавит, так

называемая кириллица, был составлен св. Кириллом в тот же самый год, который условно считается начальным годом русского государства: 862 год.

Оба брата родились в Салониках, или Солуни, в Македонии, где было много славян. Их отец был знатным византийским военным, у которого было семеро сыновей. Старшего звали Мефодием, а младшего — Константином. Мефодий сначала служил, как и отец, в военном звании, в частности и как воевода в одном славянском округе Византии. Константин сочетал в себе блестящее философско-богословское образование с обширным знанием языков. Он был учеником знаменитого Фотия, тоже философа, в последствии ставшего патриархом. Константин стал священником и библиотекарем при церкви святой Софии. Началом миссионерской деятельности святого Кирилла была его поездка (в возрасте 24 лет) в Сирию. По указанию царя и с благословения патриарха, Константин отправился туда, чтобы удовлетворить просьбу, переданную послами сарацинского княжества Самары, о присылке "мужей, которые могли бы побеседовать с нами о вере, и убедить нас". После этой поездки Константин отправился на гору Олимп, около Бруссы, в малой Азии, в монастырь, где уже находился его старший брат Мефодий. Повидимому, здесь святые братья начали заниматься изучением славянского языка, согласно свидетельству одного болгарского ученого черноризца.

Вскоре "солунские братья" были призваны царем Михаилом, который по совету патриарха Игнатия, решил отправить их к Хазарам. Хазары были тюркского происхождения и образовывали буферное государство между Византией, азиатскими кочевниками и Русью. Хазарский Каган и значительная часть знати перешли из язычества в иудаизм, но среди хазар были также христиане и мусульмане. Согласно житию святых Кирилла и Мефодия, сами хазары попросили византийского императора, чтобы он им "прислал какого-нибудь ученого мужа" для проповеди христианства.

По пути в Хазарию святые Кирилл и Мефодий остановились в Крыму, в византийском городе Херсоне, недалеко от нынешнего Севастополя. Здесь они провели немало времени, изучая языки и подготавливаясь к своей миссии. Они изучали "хазарский" (житие утверждает, что хазары говорили на славянском языке) и еврейский языки. Святой Кирилл даже перевел восемь частей еврейской грамматики, готовясь к диспутам с хазарскими евреями.

Здесь же, на территории теперешней России, святые Кирилл и Мефодий стали свидетелями двух исторических событий, немалой важности для их будущего. Во-первых, они

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

ПЯТЬ ПОКУШЕНИЙ

"Много раз был в путешествиях... в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе... в опасности между лжебратиями..."

(Второе послание к коринфянам св. Апостола Павла, гл. 11-я, стих 26)

НЕОБХОДИМОЕ ВВЕДЕНИЕ

Убежав из рядов штрафного батальона, в котором находился, как бывший политреперсированный по "Делу Академии Наук", при его отступлении через Ростов 8/21 июля в праздник Казанской Иконы Пресвятой Богородицы, я три дня скрывался в рабочей семье в Нахичевани, пригороде Ростова на "железнодорожной Линии" (укрывавшие меня хозяйка были уклонившиеся от эвакуации железнодорожники, потом работавшие на восстановленной немцами железной дороге на Матвеев Курган и дальше на Запад). В праздник равноапостольной Княгини Ольги 11/24 июля 1942 года я встретил авангард словацкой дивизии генерала Туранича, первые разведчики которой появились в Нахичевани. Вскоре, с единомышленниками, найденными мной в освобожденном от большевизма городе, я основал газету "Голос Ростова", которая выходила с 1 августа (дальше все даты по новому стилю) по 4 февраля 1943 года. В ночь на 5 февраля, в 13-ю годовщину моего ареста по "Делу Академии Наук" покинул бомбардируемый весь день авиацией Ростов, на который наступала с юга армия генерала Гречко, а с северо-востока — армия генерала Борисова и после разных перипетий оказался через 9 дней в Кировограде, где оригинально сотрудничал в местной газете "Кировоградски Висти": диктовал мои статьи по-русски, а редакционная машинистка их писала по-украински.

Однако через 3 дня меня вызвали в Мелитополь, куда добрался 13-го марта попутными автомашинами через Днепропетровск и Запорожье, а оттуда поездом. Меня звали в редакцию "Мелитопольского Края". Ясным солнечным утром прибыл в Мелитополь, где познакомился с редактором — талантливым журналистом Борисом Николаевичем Ширяевым, эвакуированным с семьей из Ставрополя, где он редактировал "Ставропольский Край", и

его заместителем Кривичем, эвакуированным из города Святой Крест (по-большевицки Прикумск). Работал с ними до июня, одновременно выступая с литературными лекциями в городском театре и выезжая в окрестные села на праздники ликвидации колхозов и передачи земли в частную собственность крестьянским семьям.

В июне меня вызвали в Сиферополь при одновременном предложении выступить с лекциями против коммунизма в Бельгии, ибо среди всех знакомых журналистов нашего антисоветского мира в Сиферополе и Мелитополе (Ширяев, Кривич, А. И. Булдеев, Леонид Николаевич Польский — премияник известного в старой эмиграции протопресвитера Михаила Польского — Евгении Меркуровой, двух православных осетин —

Голицыным, вдовой последнего министра юстиции Н. Д. Добровольской и особенно подружился с моим первым на Западе духовником — протопресвитером Александром Шабашевым, потом звавшим меня в Аргентину и скончавшимся в Монтевидео.

Моим дебютом было выступление в Спортпаласе Брюсселя перед 12-тысячной аудиторией совместно с Юрием Львовичем Войцеховским, власовскими офицерами Беловым и талантливым поручиком Н. С. Давиденковым, впоследствии погибшим неполных 30-ти лет в советском концлагере после выдачи в Лиенце-Шпитале.

Затем я выступал в следующих городах: Антверпене, Вильворте, Генте, Брюгге, Куртре, Мукроне, Монсе, Ла Лувьере, Шарлеруа, Льеже, Намюре и Грамоне. С одним из них

заказали два номера в гостинице: для меня и сопровождавших меня начальника отдела пропаганды рексистов Шарля Ламбинона и его помощника Пьера Фландена, из которых лишь второй владел немецким языком и мог объясняться с оккупационными властями, служа переводчиком своему шефу.

Когда мы сначала вошли в мой номер, Ламбинон открыл шкаф для платья, зашел в уборную и посмотрел под мою кровать, чтоб убедиться, что туда не положена бомба замедленного действия, которая взорвалась бы ночью. Потом мы все трое пообедали в ресторане с редактором местной газеты и поехали в театр. Я всегда говорил с трибуны, стоявшей на сцене или прохаживаясь по сцене, ибо знал, что публику меньше утомляет гуляющий по сцене оратор, чем стоящий неподвижно и от нее полускрытый.

После речи, всегда встречаемой аплодисментами рексистов и сочувствующих антикоммунистов, я отвечал на многочисленные вопросы о жизни в Советском Союзе и затем никогда не уходил за кулисы, а спускался со сцены в партер, пожимая руки и подписывая автографы — всегда каждому в новой редакции: "вместе на врага" или "мы победим" или "с нами Бог".

Так и на этот раз я прошел мимо всегда полных первых 10-15 рядов партера и потом мимо обычно полупустых последних рядов. У выхода в фойе меня встретили редактор газеты и Фланден, которые повезли меня в ресторан ужинать. Мы сидели до полуночи; в первом часу нам принесли завтрашний номер газеты с моим снимком и текстом моего доклада. Я закончил свою речь, напомнив притчу о богатом и Лазаре и сказав, что по Евангелию Авраам не пустил Лазаря предупредить братьев об ужасах ада, а тут по-другому: "я — Лазарь, вырвавшийся из советского ада, чтоб вас предупредить не допускать такого ада в Бельгии". Эти последние мои слова в кавычках были набраны жирным шрифтом под моим снимком. Я их произнес в 9 часов вечера, а в полночь они были уже напечатаны.

По возвращении в гостиницу, я застал на углу коридора вблизи моего номера любопытную сцену: двое полицейских поставили столик и играли в карты, чтоб не заснуть на посту, охраняя мой номер.

Утром Ламбинон, Фланден и я выехали в Намюр, где снова пробы-

С. В. Гротов (Алексей Ростов)

Куцеева и Дзугаева) я был единственным, который мог выступать с публичными лекциями по-французски. Таким образом я оказался в Брюсселе, где познакомился с обоими братьями Войцеховскими, из коих Сергей Львович возглавлял эмиграцию в Варшаве, а младший Юрий, стрелявший в свое время в советского торговца в Варшаве Лизарева и отбывший за это тюремное заключение, возглавлял эмиграцию в Брюсселе (он был потом убит советскими террористами в том же Брюсселе в конце 1944 года). Познакомился я и с рядом выдающихся деятелей эмиграции: князем Черкасским (правовед), графом Апраксиным (б. секретарем Государыни Императрицы Александры Федоровны), графом Комаровским, князем

связано первое на меня покушение.

Л Ё Ж

Еще до моей поездки по Бельгии и встречи со мной во Дворце Спорта в Брюсселе, где нас потом совместно чувствовала русская гостеприимная эмиграция, в этом центре коммунистического терроризма, стреляли в автомобиль, на котором подъезжали к театру капитан Белов (старый эмигрант из Парижа), и молодой поручик Давиденков (из новых перебежчиков). Покушавшиеся промахнулись и успели скрыться. Поэтому три недели спустя были приняты исключительные меры к моей охране. Мы

приняли участие в открытии мощей священномученика Климента, папы римского, сосланного сюда из Рима, а затем убиенного во время императора Траяна. Святые Кирилл и Мефодий взяли с собой часть этих мощей. Гораздо позже, когда они посетили Рим, они передали мощи Римской церкви. Римский клир и народ встретили святых братьев и мощи святого Климента торжественной процессией с возжженными свечами за стенами Рима, во главе с папой Адрианом Вторым. Во-вторых, в Херсоне святой Кирилл нашел "Евангелие и псалтырь Русскими письмены писана", а также человека, говорившего на этом языке. Это является одним из ценных исторических подтверждений о существовании еще до "кириллицы" какой-то русской азбуки, "русских письмен", созданной, по видимому, на основании грече-

ского алфавита. Возможно, что и сама "кириллица" родилась в свою очередь, на основании, или, по крайней мере, под влиянием этих "русских письмен".

Содержание богословских диспутов с хазарами, главным образом иудейского вероисповедания, сохранилось частично в Житии святых братьев. (См. "Жития святых на русском языке", переизданное Архимандритом Пантелеймоном в 1969 году, месяц май, стр. 325-377). Эти диспуты касались, главным образом, таких вопросов, как вера в Святую Троицу, происхождение закона, почитание икон, отношение к обрезанию и т. д. И по сей день, они носят весьма интересный и поучительный характер, особенно ценны ссылки на тексты из Ветхого Завета. И в наши дни, можно горячо рекомендовать чтение этого весьма интересного Жи-

тия.

После этих двух миссий к арабам и хазарам, святые Кирилл и Мефодий приняли участие в крещении болгарского народа, при царе Борисе, в 860 или 861 году. Все эти три миссии были лишь подготовкой для последней, четвертой миссии: к просвещению славян.

Под конец пребывания солунских братьев у болгар, в славянском государстве Моравия (нынешние восточная Чехия и западная Словакия) по видимому состоялся народный собор, на котором приняли участие князь моравский Ростислав, его премияник Святополк, князь блатненский (паннонский) Коцел и весь народ моравский. На этом совещании было решено послать послов к византийскому царю Михаилу, с просьбой прислать христианских учителей, с такими словами:

"Наш народ отверг язычество и содержит закон христианский. Только нет у нас такого учителя, который бы веру Христову объяснил нам на нашем языке. Другие страны (славянские), увидя это, пожелают идти за нами".

Как пишет Житие, царь Михаил сказал святому Кириллу: "Философ, я знаю, что ты не здоров; но необходимо тебе идти туда, так как никто не может выполнить этого дела лучше тебя".

Так и случилось, что "при начале славянской истории, по какому-то таинственному предопределению, одним и тем же рукам досталось рассыпать одни и те же семена по всем странам славянским", как писал Погдин по случаю 1000-летия Кирилло-Мефодиевского дела.

И. АНДРУШКЕВИЧ

ли сутки.

Только по выезде из Льежа мои спутники поведали мне то, что скрыли от меня за ужином с редактором газеты и о чем печать потом не сообщала. Когда, поговорив с час и отвечая на вопросы публики, я готовился сойти со сцены в партер и пройти через публику в фойе, охранники-рексисты заметили незнакомого подзрительного молодого человека, который не был на моем докладе, но из фойе прошел в зал к его концу и уселся в пустом последнем ряду, мимо которого я должен был пройти. Два охранника вошли за ним в зал и сперва сели в последнем ряду справа и слева от него; затем приставили к его груди оба по револьверу и сделали знак, чтобы он встал и вышел с ними в фойе, шепнув, что будут стрелять, если он откажется или сунет руку в карман. Он растерялся и молча повиновался. В пустом, во время последних моих реплик, фойе ему скрутили руки за спину и вынули из кармана заряженный на всю обойму револьвер. Он сразу назвал члена компартии, который организовал покушение и тот был арестован в вестибюле театра, где поджидал выстрелов в зрительном зале.

Подосланный убийца должен был ждать, когда я пройду через зал и поровняюсь с последним рядом. Тогда он поднялся бы мне навстречу и в упор выпустил в меня всю обойму из револьвера. Когда его вывели в фойе, Ламбион пошел с охранниками-рексистами присутствовать при аресте второго более важного террориста, который был раньше на других моих лекциях и знал мой обычай спускаться в зал и медленно проходить по нему среди рукопожатий и подписывания автографов. На допросе оба заявили, что исполнили свой долг перед партией. На другой день над ними состоялся военный суд германского командования и по возвращении в Брюссель Ламбион сообщил мне, что обоих приговорили к расстрелу. Приговор был немедленно приведен в исполнение.

Такова история первого покушения, после которого я переехал в Лилль в северной Франции, поселился в отведенном мне номере в гостинице "Страсбург" и оттуда разъезжал, выступая с докладами по следующим окрестным городам: Армантьер, Круа, Аррас, Бетюнь, Лабассе, Кале, Булонь, Дюнкерк. Дюнкерк был полуразрушен весной 1940 года при бегстве через него английской армии, которая погрузила на суда и спасла всю живую силу армии, пожертвовав артиллерией и танками. Здесь хочу подчеркнуть разницу в мировоззрении советского и британского командования. Советчики в таких случаях спасали танки и артиллерию (как было под Ростовым на моих глазах), бросая на гибель солдат и младший командный состав. Англичане же спасали своих людей, бросая танки, артиллерию и обозы, считая, что это "дело наживное". Советский комиссар или генерал никогда не жалеет своих подчиненных.

Это путешествие по северной Франции прошло благополучно и 14-го сентября я выехал в Берлин. Там мне поручили написать книжку — ответ моим слушателям (Фланден записал все поставленные мне вопросы, на которые я устно отвечал). Я жил в гостинице "Анхальтер Банхоф" и написал требуемую брошюру, расположив ответы по отделам: положение Церкви в СССР; советское общество; интеллигенция; школа и т. д. Затем сдал рукопись, написанную от руки и выехал 16-го октября в Париж, где меня ждала сразу поездка в Лион, Марсель, Монпелье, Бордо, Руан, Анжер. Она прошла

благополучно и дала мне массу интересных знакомств, но в Монпелье лекция почему-то не могла состояться.

Оставшись в Париже, я в ноябре имел счастье впервые представиться Великому Князю Владимиру Кирилловичу, приехавшему из Сан Бриака на похороны своего дяди Великого Князя Бориса Владимировича и пригласившего меня на завтрак: сперва — в ресторан, а затем, к себе в предоставленной в его распоряжение нефтяным "королем" Нобелем квартире. Затем я второй раз специально выехал в Монпелье.

МОНПЕЛЬЕ

Это был город ярого антигерманского блока коммунистов и голлистов, которым руководили профессор и студенты местного древнего и славного университета.

Я выступал в театре, где выйдя на сцену заметил, что за кулисами стоят с обеих сторон часовые с винтовками, готовые стрелять в случае враждебного выступления. После лекции при жидких аплодисментах немногих антикоммунистов я был приглашен на ужин главой группы "Коллаборасион" доктором Мазори и сидел между ним и его молодой красивой супругой.

Он сказал мне, что перед моим приходом была обыскана вся сцена и под трибуной обнаружена небольшая бомба с часовым механизмом, которая взорвалась бы через час или полчаса после моего появления и разорвала бы меня в клочки. Поэтому перед моим выходом поставили за кулисами часовых, ибо опасались, что террористы (деголлерцы или коммунисты — неизвестно), заметив, что бомба не взорвалась, не стали бы стрелять из-за кулис или из партера.

На ужине были два немецких офицера: военный цензор (это ведь была неоккупированная еще тогда южная Франция) и начальник германской "зихерхайтдинст" (службы безопасности). Они мне предложили на другой день выступить с докладом о гонениях на науку в СССР перед профессорами и студентами университета, которых пригласит Мазори. Однако они сделали величайшую бестактность. Меня посадили в центре стола, а по бокам уселись военный цензор в мундире и начальник полиции. В первых рядах сидели профессор, за ними студенты со злыми лицами, слушая от меня перечень расстрелянных в России ученых и писателей, арестованных и сосланных студентов, вся жизнь которых разбита такой ссылкой. По окончании я спросил, имеются ли вопросы. Все молчали: наконец ректор сказал, что у них студенты не задают вопросов, а у профессоров вопросов нет. Я поклонился и мы втроем ушли.

Потом я узнал, что говорили: немецкая полиция возит русского профессора и насильно заставляет его клеветать на СССР.

По возвращении в Париж я через две-три недели узнал из газет, что в Монпелье неизвестными террористами убит Мазори и узнав его домашний адрес, написал письмо с выражением соболезнования его вдове.

Я всегда указывал, что для успеха пропаганды надо вести ее не в театрах, куда бесплатно приходят слушать нас единомышленники, а враги или бойкотируют выступления или являются подложить бомбу либо подстрелить. В северной Франции я выступал на заводах, но для этого не надо было задерживать рабочих после работы, что их раздражает, а надо бы устроить лекцию об эксплуатации

рабочих коммунистами в рабочие часы, оплатив им их. Тогда даже несочувствующие рады будут покинуть свои станки на часок, им оплаченный по ставкам, и послушать неведомого русского, говорящего по-французски.

В виде опыта в неоккупированной Франции, подчиненной правительству маршала Петена, решили устроить лекцию на крупном военном заводе в Роанне, недалеко от Лиона, где хорошо оплаченные и питаемые французские рабочие изготавливали разные виды оружия для Германии.

РОАНН

В конце декабря выехал я с германским офицером на автомобиле в Лион, а оттуда в Роанн. Оставили там автомобиль и отправились на приехавшей за нами машине директора на завод, где в самом большом цехе артиллерийского отделения была поставлена трибуна, с которой я выступал перед рабочими. Слушали внимательно и даже раздались жидкие аплодисменты, чему был я доволен, ибо лучше один хлопок сомневающегося, чем бурные аплодисменты единомышленников.

Затем сопровождавший меня офицер отправился со мной, чтоб взять машину в гараже. Там хозяин сказал нам, что в нашем отсутствии приехали четыре человека, из которых один — местный коммунист, и осведомлялись, куда мы дальше поедем. Со слов шофера ему объяснили, что больше выступать я не буду, а автомашину отвезет меня в Лион, откуда выеду поездом на Париж. Посоветовались с местным начальником полиции. Он сказал, что несомненно готовится засада: устроит каков-нибудь препятствие, чтоб остановить машину на шоссе Роанн-Лион и начнут стрелять из этой засады.

Тогда офицер решил поехать другой кружной дорогой, не на восток к Лиону, а на юго-запад на автостраду Марсель-Париж, там повернуть по ней и доставил меня прямо из Роанна в Париж в мою гостиницу "Вестминстер" на рю де ла Пэ. Таким образом я был спасен от засады на шоссе Роанн-Лион, на которую устелилась полиция Петена. Это было третье на меня неудавшееся покушение.

Следующие мои две поездки прошли благополучно: первая была в "страшный" Гранобль, где выступал перед полным залом, но под охраной на улице. Оригинальным утешением была новогодняя ночь 1944 года. Раздеваясь у себя в номере гостиницы, увидел над кроватью надпись: "в этой кровати ночевал Наполеон, когда возвращался в 1815 году в Париж с острова Эльбы". Не знаю, было ли это правда или трюк для привлечения клиентов?

На другое утро выехал автомашиной в Уриах, где выступал в школе "Милиции" Жозефа Дорнан, созданной для борьбы против партизан. По пути остановились около трупа лысого мужчины средних лет, убитого пулей в затылок партизанами. На спине его был картон с надписью "правосудие совершилось". После выступления в этой школе кадров "Милиции", проехали в Сен Мишель-де-Мориен, где выступал с успехом по-русски перед полком власовцев, боровшихся против партизан в горах Савои.

По возвращении в Париж, съездил еще с успехом в восточные города Франции: выступал в Реймсе, Эперне, Шалон сюр Марн и Бельфоре на границе Швейцарии, после чего вернулся в Париж. Закончил свое

пребывание во Франции поездкой в Эзере.

ЭВРЕ

В этот городок под Парижем проехал с немецким офицером на автомобиле. Там выступал на заводе и в клубе, после чего узнали, что коммунисты готовят засаду где-то на автошоссе. Поэтому офицер остался в городе, а один коллаборант повез меня на другой машине на вокзал, откуда я вернулся в Париж поездом. Между тем отряд полиции отправился на автомобилях по шоссе, где имел перестрелку с быстро скрывшимися в кустах бандитами.

Так благополучно спасся при четвертом на меня покушении в "гостеприимной" Франции, где вскоре после моего отъезда был убит начальник "Милиции" Жозеф Дарнан, а в Бельгии перед вступлением американских войск, передетыми в форму власовских офицеров, коммунистами был убит в своем служебном комитете начальник русской эмиграции Юрий Львович Войцеховский, младший брат Сергея Львовича.

По возвращении в Берлин немало отдохнул. Надо сказать, что в моем отсутствии воздушным налетом было разрушено здание Антикоминтерна и погибла моя рукопись. Мне предложили написать ее заново, на что согласился при условии диктовки русской машинистке в трех копиях, которые будут храниться в разных помещениях и хоть одна уцелеет при новых бомбардировках. Меня отправили в тихий курортный городок Фрейбург, где работали над постоянными трудами работники Антикоминтерна. Дали номер в гостинице с рестораном и русскую машинистку, молоденькую девушку из Белграда, — Лаврову, с которой вместе снова за три недели составил брошюру. Один экземпляр остался у меня, а другие сдали в Берлин, где начали брошюру переводить на французский, итальянский, сербский и болгарский, но разгром Германии не позволил закончить ни один перевод.

Я же по вторичной сдаче рукописи поехал в Хорватию, где выступал по-немецки в Загребе, Баньялуке, Сараеве (трижды), Вараждине, затем был приглашен выступать по-русски перед расброшенными по Хорватии, в борьбе против титовских партизан, отдельными сотнями шесть полков Первой казачьей дивизии генерала фон Паннвица: 1-го и 4-го Кубанского, 2-го Терского, 3-го и 5-го Донского и 6-го Сибирского, разъезжая по разным городам и селениям, из которых могу назвать Дугосело, Сунью, Костаньциу, Бричкованы.

Эти интересные встречи, заняли весь конец апреля 1944 года. Пасху встречал в походной церкви при штабе дивизии в Сиске. Тут нигде не было случая враждебных против меня выступлений.

По возвращении в Германию, получил поручение посетить Венгрию и Грецию. Торжественно был востановлен в Будапеште, где выступал неоднократно, был принят женами венгерских министров — братьев Имреди и других дам на обеде в ресторане, выступал в женском католическом монастыре и наконец, после поездки по Венгрии: Уйвидек, Темешвар, Мункач (Мукачево), Унгвар (Ужгород), Дебречин, выступал перед венгерским парламентом, что произошло на другой день после покушения на Гитлера и военного востания в Берлине.

Оттуда проехал через Югославию

в Грецию, где выступал в Салониках перед журналистами по-французски, перед профессорами университета по-немецки и наконец по-русски через переводчика перед рабочими на заводе Аллатини в окрестностях города. В Греции убедился, что надо говорить по-русски, ибо при выступлениях перед греками по-немецки или по-французски производил впечатление немца или француза, продавшегося немцам и некогда в России не бывавшего. Поэтому при поездке в Катарини решил выступать по-русски, ибо и там нашелся, высланный в ежовщину из России грек, который послужил переводчиком. Это был канун британской высадки в Греции: по всей стране орудовали партизаны, в чем смог воочию убедиться.

КАТАРИНИ

В сопровождении унтер-офицера и солдата-шофера выехал в середине августа в городок Катарини у подножья прославленного Олимпа. Приехали днем, посетили комендатуру с гарнизоном из 12 солдат с офицером, отнесли чемоданчики в гостиницу, где получили номер в нижнем из двух этажей. Мы поставили автомобиль во двор казармы, занимаемой итальянским отрядом дивизии "Мути", оставшейся верной Муссолини после измены короля и расквартированной в Греции. Затем я отправился в городской совет на Соборной площади против православного собора и после беседы с городским головой, через переводчика, выступил с русской речью с балкона городского совета перед собравшейся на площади толпой любопытных. Переводчик переводил каждую мою фразу. Говорил, как рад после поездок по Европе выступать перед православными, говорил о гонениях коммунистов на православие, о взятом из моей камеры в Ленинграде на расстрел о. Николае Прозорове, перечислял расстрелянных митрополитов и епископов, говорил об утопленном с камнем на шею епископе Гермогене, о разрушенных и оскверненных храмах, говорил, что то же самое ждет Грецию, если власть захватят коммунисты, которые сейчас трусливо прячутся в горах и нападают лишь врасплох на беззащитных жителей. Мои последние слова звучали вызовом, на который последовал ответ.

После ужина в горсовете мы пошли в гостиницу спать. Однако около часу темной безлунной ночи послышались выстрелы где-то поблизости. Унтер-офицер и я быстро оделись, вышли задним ходом из гостиницы и пошли во тьме к комендатуре. По условному паролю нас впустили. Меня посадили на стул в коридоре, где не было окон, а офицер, солдаты и мои спутники с автоматами стали у закрытых ставнями окон, чтобы стрелять в щели в приближающихся партизан. Но последние были слишком трусливы, чтобы напасть в лоб на кучку немцев или на небольшой отряд "Мути". Они лишь издали открыли беглый огонь из автоматов, а главные их силы напали на банк и, не будучи в состоянии открыть нестеряемый шкаф, вытащили его на улицу и бросили, когда "Мути" открыли по ним огонь. Партизаны подожгли здание банка и он сгорел. Местная греческая полиция не ока-

зала им сопротивления и через два часа ушла или была ими уведена в горы.

Под утро перестрелка прекратилась. Мы вышли из дома и убедились, что партизаны ушли в горы. "Мути" тоже не понесли потерь, ибо стреляли из укрытий, образованных углами дома и стенами двора, где стояли их и наша автомашины. Наша автомашина была в нескольких местах пробита пулями: возможно, партизаны думали, что мы могли в ней ночевать или к ней устемиться, чтобы покинуть город при первых выстрелах.

Затем пошли к нашей гостинице: прямо перед окном комнаты, где мы ночевали до начала перестрелки, лежал труп партизана, который пробрался к нашему окну и по которому "Мути" стреляли из автоматов с находящегося на углу улицы двора, занимаемого ими здания. Попаданием "очереди пуль" из автомата ему срезало черепную коробку на уровне выше бровей и затылка. В стороне лежала слетевшая с головы пилотка и отдельно черепная коробка. Труп лежал, распластавшись на животе и груди и в правой руке сжимал "молотовский котель", который должен был бросить в наше окно. "Коктейль" пробил бы ставню и взорвался в комнате, убив меня и унтер-офицера.

Я поднял пилотку, на кото-

рой было написано слово "Хеллас" (Эллада), что указывало на принадлежность этого обмундированного в военную форму партизана к коммунистической организации, прикрывавшей свое подчинение СССР этим патриотическим наименованием.

Мы закусили нашим захваченным с собой военным пайком и пошли навестить греческого митрополита (в Греции все епископы небольших епархий носят титул митрополита). С ним говорил я по-французски и рассказал ему, что в пятый раз Господь меня спасает. Долго беседовали об ужасах коммунизма. На прощание просил архипастырского благословения и поцеловал ему руку, что к моему удивлению сделал и немецкий унтер-офицер. После этого простился с итальянскими "Мути" и солдатами комендатуры, которые оставались одни охранять город после исчезновения отряда местной греческой полиции.

Вскоре, по возвращении в Салоники выехал в Белград, где меня принимал б. офицер Корниловского полка, зондерфюрер Евгений Эдуардович Месснер, теперь занявший отличную от нас позицию. Посетил Лютича и выступал по-русски перед лютичевцами, а затем в лагере Русского Корпуса в Белграде, куда меня привез полковник Иордан. Жил же я в эти дни на улице Вука Карад-

жича № 4 в квартире редактора русской газеты для власовцев Шубина, бывшего редактора газеты в Краснодаре, с которым познакомился в свое время в Крыму. Я посетил Б. Н. Ширяева, который в это время под влиянием неудач и приближения советских армий под командованием маршала Толбухина пил за поем.

Познакомился с генералом Свищевым в Русском Доме и посетил, работавшего там Н. Д. Тальберга (на десять выпусков старше меня по училищу правоведения).

Последние два дня ночевал в штабе германского командования с семьями Шубина и Ширяева, ибо при приближении фронта ожидалось восстание, а потому нас могли перебить на частных квартирах.

Оттуда выехал в Берлин, но под Винернейштадт массовый налет американской авиации разрушил путь и поезд с эвакуированными, из перешедшей к СССР Болгарии, немцами должен был свернуть на Венгрию. Лишь через Вену удалось проехать в Берлин. Это был конец августа 1944 года.

Совершил еще ряд поездок. Переую — в Прагу, где выступал перед русской эмиграцией, как гость А. Д. Меллер-Закомельского, издававшего "Новые Вехи" и в соседнем Пильзене — тоже перед русскими эмигрантами.

Вторую поездку совершил уже в ноябре (в октябре ездил в Магдебург и Дессау, где выступал перед французскими рабочими германских заводов и в Вену, где посетил лагерь, куда устроили эвакуированных из Франции коллаборантов, из коих многие знали меня в лицо, так как помнили мои выступления в разных городах Франции).

Последней моей поездкой была Словения: там я был гостем Г. Г. Миткевича в Бледе, где у него была вилла. Жил в нетопленной гостинице, летом шикарной, но в ноябре при ежедневных дождях — пустынной и весьма неприветливой. Оттуда автомашиной переехал в Люблянну, где выступал по-немецки перед словенцами и по-русски перед русской эмиграцией. Познакомился с профессором Билимовичем и со Спекторским, у которых ужинал, и был представлен диктатору Словении генералу Рупнику, который пригласил меня запросто обедать, ибо оказалось, что его жена русская эмигрантка Зубржицкая была дочерью артиллерийского офицера, который был свой человек в доме моего дедушки по матери — председателя окружного суда в Таганроге, где он служил молодым офицером.

Вернулся в Берлин в начале декабря, а в ночь на 5-го февраля покинул германскую столицу и поехал в Зальцбург, где эвакуированный Г. Г. Миткевич познакомил меня с местным отделом пропаганды. Выступал на разных заводах весь март и апрель: город наполнялся беженцами. Вена была занята войсками маршала Малиновского.

Двадцатого апреля я переехал в Италию в Казачий Стан генерала П. Н. Краснова, но остался с семьями казаков в Палуццо, когда войска ушли в Австрию, где попали в ловушку, подставленную им англичанами.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Монрое 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,130; В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233. Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980